
Антропоморфизация японского государства и его эмоциональная жизнь (вторая половина XIX в. – 1945 г.)

© 2020 г. А.Н. Мещеряков^{1*}, Е.Б. Сахарова^{2**}

^{1,2} *Институт классического Востока и Античности
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3.*

*E-mail: anmesheryakov@hse.ru

**E-mail: esakharova@hse.ru

Поступила 23.10.2019

Вторая половина XIX в. – 1945 г. время радикальных перемен в японском обществе, эпоха создания общенационального государства и японской империи, основанной на единении всех обитателей Японии. Политические реформы и идеология этого периода достаточно подробно изучены в историографии. Исследований, посвященных тому, как изменились сами японцы и их мировосприятие, гораздо меньше. Статья посвящена изучению эмоциональных трансформаций японцев, произошедших в этот период. Материалом исследования послужили официальные исторические документы, публицистика, поэзия и проза. Изменения оказались настолько быстрыми, что японская психика не выдерживала, в период Мэйдзи резко увеличилось количество душевных заболеваний и самоубийств. Общая экзальтация была характерной чертой эпохи, важнейшие государственные решения принимались под влиянием эмоций. Литература (в особенности новая поэзия *синтай*) играла важную роль в возбуждении народных чувств, в ней открыто транслировалась ксенофобия. Вера в то, что японский дух сильнее материи, диктовала безумные с военно-практической точки зрения решения. В 1941 г. Япония напала на главную военно-морскую базу США на Тихом океане – Пёрл-Харбор. Решение, которое привело к краху империи.

Ключевые слова: эпоха Мэйдзи, японский тоталитаризм, кокутай, картина мира, национальный характер.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-180-194

Цитирование: Мещеряков А.Н., Сахарова Е.Б. Антропоморфизация японского государства и его эмоциональная жизнь (вторая половина XIX в. – 1945 г.) // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 180–194.

The Japanese State Anthropomorphization and Emotional Life (second half of 19th century – 1945)

© 2020 г. Aleksander N. Meshcheryakov^{1*}, Evgeniya B. Sakharova^{2**}

^{1,2} Institute for Oriental and Classical Studies
of National Research University “Higher School of Economics”,
21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.

*E-mail: anmesheryakov@hse.ru

**E-mail: esakharova@hse.ru

Received 23.10.2019

Second half of 19th century–1945 was the period of drastic changes in Japanese society, the time of building the nation-state and the Great Japanese Empire, based on the unity of all Japanese people. Political reforms and the ideology of this period are well investigated. However, there are few studies of how the Japanese themselves and people's worldview have changed. The article focuses on the emotional transformations of the Japanese during this period and based on official historical documents, writings of publicists, poetry and prose. One consequence of such a rapid changes was, in particular, the dramatic increase in number of mental illnesses and suicides during the Meiji period. Shared exaltation was a characteristic feature of the era, the most important government decisions were made on a sudden impulse. Literature (especially the new *shintaiishi* poetry contributed to the popular feelings excitement, and openly promoted xenophobia. The belief in the superiority of the Japanese spirit over matter dictated decisions that were insane in military-practical terms. Thus, in 1941 Japan attacked the main US naval base in the Pacific – Pearl Harbor. The decision that led to the collapse of the empire.

Keywords: Meiji period, Japanese totalitarianism, kokutai, worldview, national character.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-180-194

Citation: Meshcheryakov, Aleksander N., Sakharova, Evgeniya B. (2020) “The Japanese State Anthropomorphization and Emotional Life (second half of 19th century – 1945)”, *Voprosy filosofii*, Vol. 1 (2020), pp. 180–194.

Революция Мэйдзи (1867–1868) радикально изменила строй жизни и картину мира японцев. Представления об основополагающих принципах устройства страны не являлись исключением. В предыдущий период, когда реальной властью обладали сёгуны из дома Токугава, система управления строилась на фрагментации общества (обладавшие значительной автономией княжества числом более 250, сословия). Однако после революции Мэйдзи началось быстрое строительство «общенародного государства-империи», основанного на единении всех обитателей Японии. Главной задачей такого государства стало обеспечение независимости страны и ее конкурентоспособности на международной арене. Для достижения этой цели был задействован целый арсенал управленческих и идеологических средств. Институциональные реформы и их идеологическое обеспечение описаны и изучены многочисленными исследователями достаточно хорошо. Менее изученной является другая важнейшая проблема: как в результате этих реформ изменились сами японцы, их мировосприятие. В данной работе мы попытались выяснить, какие эмоциональные трансформации

происходили с ними. Иными словами, мы попытались придать институциональным реформам человеческое измерение.

Одной из основных метафор, с помощью которой описывалось устройство японского государства и общества, являлось их уподобление человеческому телу. Телесная метафора утверждала, что Япония представляет собой единое тело. Предпосылки для такого подхода фиксируются еще в древности. Так, в императорском указе от 721 г. говорилось: «Инспектора – это Наши руки и ноги, народу они – как отец с матерью» (Ёро, 5–6–10, 721 г.) [Сёку нихонги 2018, 247]. «Руки-ноги» – это чиновники, приближенные императора, которые призваны воплощать в жизнь его указания. Император вместе с чиновниками и образуют «государство», «народ» не входит в это понятие. Такая ситуация продолжается весьма долго. Начиная с периода Мэйдзи в официальных документах (указах) под «руками-ногами» государя стали пониматься прежде всего военные чины. При этом в указах, обращенных к военным, император неизменно именовал себя «головой». Раньше император был лишен военной функции и «голове» уподоблялись только военачальники по отношению к их вассалам. Поскольку император Мэйдзи под влиянием европейской монархической мысли стал позиционироваться как главнокомандующий, постольку он приобрел статус «голове».

Однако задача по созданию «общенародного государства» требовала включения в «тело» государства не только чиновников и военных, но и самого «народа». Вероятно, первым рассуждать о правительстве и народе в рамках телесной метафоры стал знаменитый просветитель Фукудзава Юкити (1834–1901) в трактате «Призыв к учению» («Гакумон-но сусумэ», печатался частями в 1872–1876 гг.). Он утверждал, что для поддержания здоровья человеческого тела необходимы еда, воздух и свет, а также адекватные реакции организма на холод и жару. В таком случае внешнее (народ) и внутреннее (правительство) пребывают в гармонии [Мэйроку дзасси 2009 I, 85]. В 1874 г. видный юрист и политический деятель Цуда Мамити (1829–1903) предложил такое понимание проблемы: «Полагаю, что правительство подобно духу, народ же подобен телу. Сочетание духа и тела образует человека, сочетание правительства и народа образует государство. Тело без духа – это труп. Дух же сам по себе, без тела, – это не человек. Народ без правительства не образует государства. Правительство без народа тем более не образует государства» [Там же, 73–74]. Чуть позднее, явно под влиянием европейских наработок в области «органического государства», Цуда Мамити предложил такую метафору: государство является «телом», в котором правитель играет роль «головного мозга», а чиновники – «пяти органов чувств» и «нервной системы». Если они находятся в негармонических отношениях, то тело (государство) заболевает душевным расстройством [Мэйроку дзасси 2009 II, 324]. Показательно, что эти мыслители, несмотря на разницу в политических взглядах и в определении соотношения компетенций правительства и народа [Хауленд 2020, 81–82], не нашли ничего лучшего, как прибегнуть к телесной метафоре.

В традиционной политической мысли правителю и его чиновникам отводилась роль наставников, «простолюдины» же позиционировались как люди «неразумные». В связи с этим правительству предписывалось выполнять направляющую, учительскую функцию. При сёгунате Токугава было написано множество работ, в которых анализировалось, как надлежит начальникам осуществлять управление. Распространены были и рассуждения о «пути самурая», «горожанина» или «крестьянина» (о «пути горожанина» много говорится, в частности, в труде Нисикава Дзёкэн «Тёнин букуро»; см.: [Кайбара, Нисикава 2017]). Эти «пути» осмыслились как различные друг от друга, и «народ» как таковой (совокупность всех жителей страны) был лишен субъектности и поэтому лишен «свойств». Неслучайно слово «японцы» (*нихондзин*) употреблялось чрезвычайно редко. Однако в эпоху Мэйдзи оно стало очень частотным, и возникла проблема описания свойств «японского народа». Поэтому стали появляться работы, посвященные «характеру» японцев. Описание японцев (японского народа) производилось в соответствии с теми критериями, которые были выработаны для описания отдельного человека.

В первых работах, посвященных национальному характеру, японцы совершенно не обязательно представлены с положительной точки зрения. Так, видный публицист, чиновник и христианин Нитобэ Инадзо (1862–1933) в работе 1904 г. «Островной характер» считал, что характеру японцев свойственны узколобость, упрямство, самомнение, подозрительность, велеречивость и чрезмерная гордость [Нитобэ 1907, 37–38]. В 1902 г. христианин и преподаватель английского языка Кисимото Нобута (1866–1928) выпустил брошюру «Пять особенностей японцев», где выделил как достоинства японцев, так и их недостатки. Кисимото отнес к положительным особенностям японцев следующие: 1) любовь к чистоте; 2) жизнерадостность, активность и любовь к прекрасному, что является следствием прекрасной японской природы; 3) способность к восприятию нового и переработке его на свой лад; 4) воспитанность и этикетность поведения; 5) нестяжательство и справедливость. К отрицательным характеристикам автор причислил: 1) неперпеливость и непоследовательность; 2) склонность жить сегодняшним днем, не думать о будущем, роскошествовать и не делать накоплений; 3) физическую неразвитость, малый рост, болезненность [Кисимото 1902].

Подобные попытки более или менее сбалансированного подхода к национальному характеру японцев вызывали отпор со стороны набиравших силу сторонников великодержавной ориентации. В японцах, описанных Кисимото, отсутствовала имперская составляющая, и он получил ответ от профессора Токийского университета Хага Яити (1867–1927), который в книге «Десять этюдов о национальном характере» (1907 г.) выделил десять характеристик японцев, которые лучше подходили для официальной идеологии: 1) верность государю и любовь к родине; 2) почитание предков и синтоистских божеств; 3) посюсторонность и практичность; 4) любовь к природе; 5) оптимизм и жизнерадостность; 6) простота и безыскусность; 7) любовь к малому, умение производить маленькие вещи; 8) чистоплотность; 9) церемониальность и вежливость; 10) мягкость и миролюбие. По мнению автора, эти качества японского народа являются уникальными и образуют его национальный характер.

Как мы видим, абстракции «японский народ» Хага Яити придал такие черты, с помощью которых характеризуется и отдельный человек. Его «народ» обладал исключительно положительными чертами (в качестве недостатков Хага указывает лишь на забвение некоторыми японцами указанных им, Хагой, «исконных» черт японского народа). В предисловии к своей книге он постулировал, что при рассмотрении как отдельной личности, так и целого народа следует использовать два параметра: внешний и внутренний. Каждый человек обладает определенным обликом и внутренним миром, каждый народ следует описывать таким же образом, отдавая при этом приоритет внутреннему, ибо внешность обманчива: европейцы выглядят одинаково, но каждый народ пользуется своим языком и обладает своей культурой; в Японии существуют региональные различия между людьми, но при сравнении с европейцами обнаруживается, что по своей внутренней сути все эти люди – японцы. Их объединяет общий национальный характер, который оказывает влияние на культуру и продуцирует политическое устройство, законы, язык, литературу, обычаи, а они, в свою очередь, влияют на национальный характер [Хага 1945].

Судьба произведений Кисимото и Хаги оказалась различной. Относительно нейтральное сочинение Кисимото, в котором отсутствовала связь между «народом» и государством (императором), было прочно забыто, полное ксенофобских выпадов сочинение Хаги про имперский народ приобрело большую популярность и регулярно переиздавалось вплоть до 1945 г.

Антропоморфизация народа вела к следующему допущению: у него есть не только тело, но и душа, чувства, эмоции. Самые разные мыслители присваивали себе право чувствовать за «народ». Чиновник токийского муниципалитета (впоследствии мэр Токио) Нагата Хидэдзиро (1876–1943) в 1922 г. писал: «Прекрасные цветы нашей государственности (*кокутай*) укоренились в груди нашего народа, в которой будто веет благодатным весенним ветром и сияет омытая дождем луна» [Хара 2008, 49]. Юрист, профессор Токийского университета и воспитатель императора Сёва, Какэи Кацухико

(1872–1961), в 1926 г. так же смело утверждал, что «японский народ не любит, когда мужчин уважают, а женщин принижают и они изолированы друг от друга» [Хара 2008, 67]. Примеры такого рода можно множить и множить.

Революция Мэйдзи открыла Японию для западного влияния, и стремительный поток вестернизации вымывал традицию. Темп городской жизни возрос многократно, открылись большие возможности для территориальной и вертикальной мобильности, конкуренция (особенно в городах) была жесткой, о прежней размеренности оставалось только мечтать. Изменения оказались настолько быстрыми, что японская психика не выдерживала, в период Мэйдзи резко увеличилось количество душевных заболеваний и самоубийств. Среди наиболее известных японских писателей конца XIX – XX в. покончили жизнь самоубийством четыре процента [Wang 2004, 12].

Конфуцианство, имевшее в Токугавской Японии огромное влияние, приветствовало уравновешенный и спокойный дискурс, его последователи призывали во всем придерживаться «срединности», не выставлять чувства напоказ, отказываться от крайних проявлений эмоций. В связи с этим любовь между мужчиной и женщиной часто рассматривалась как разновидность сумасшествия и деструктивная сила, браки «по любви» были крайне редки. Однако «передовые» молодые люди эпохи Мэйдзи порывали с традицией и бредили новым, им казалось, что чувства следует культивировать и демонстрировать. «Передовые» поэты отказывались от привычных форм стихосложения (*танка* и *хайку*) и переходили на свободный стих (*синтайси*), сформировавшийся в Японии под прямым западным влиянием [Долин 2017]. Считалось, что свободный стих дает больше возможностей для самовыражения. Поэты *синтайси* требовали от поэзии эмоциональности как необходимого условия для полноценной жизни – как человека, так и народа в целом. В пионерском сборнике «Лирические стихи» (1897 г.) Куникада Доппо (1871–1908) утверждал, что без развитой поэзии невозможно создание полноценной цивилизации [Дзёдзёси 1897, 4]. Далее он провозглашал: «Обречен народ, у которого нет песен. Стухнет его кровь, слеза его помутнеет. Пойте! О, мой народ! Поэзия нового – сбывлась!» [Там же, 12]

В предисловии к своей подборке стихов в том же сборнике Таяма Катай (1871–1930) взывал: «Друзья! Мы – счастливые поэты, живущие в прекрасной Японии. Как горяча кровь женщин нашей страны, как они хороши!.. Друзья! Сходите с ума! Блуждайте! Страдайте! Рыдайте! Сгорайте в огне любви! Только так рождаются стихи, только так будут рождены новые ритмы эпохи Мэйдзи!» [Там же, 81–82] Автор посчитал нужным указать в конце предисловия, что он писал эти строки лежа больным в постели. Свой жар он пожелал передать и другим. В декларациях Куникады и Таямы присутствовало то, чего была напрочь лишена традиционная поэзия: повелительная призывность и экзальтированность. Они призывали всех японцев гореть вместе с ними. С немислимой для прежних времен смелостью Катай, встретивший на улице прекрасную незнакомку, вопрошал в своем стихотворении, следует ли ему пройти безмолвно мимо или же лучше заговорить с ней и облить друг друга слезами (имелись в виду слезы жаркой любви). В подтексте предлагался второй вариант ответа, соответствующий «истинному сердцу» поэта [Там же, 97–98].

Свои эмоции поэты тратили по преимуществу на мирные любовные чувства (истинные или придуманные), но их ажитация вносила существенный вклад в эмоциональную жизнь общества и государства. Поэты много говорили о романтической смерти от любви, легитимируя тем самым добровольную смерть. Открытая демонстрация своей личной жизни и эмоций получила в начале XX в. развитие в эго-романе (одним из его главных зачинателей стал Таяма Катай), в котором полагалось выворачивать наизнанку интимную жизнь автора.

Для людей творческого склада это было время манифестов. Это касается не только литераторов: феминистки не отставали от них. Основательница журнала «Синий чулок» («*Сэйто*») Хирацука Райтё (1886–1971) тоже демонстрировала непривычный для традиционной женщины пыл. В несколько путаном эссе, представляющем собой странную смесь из феминистских идей, западного мистицизма и буддизма, она провозглашала:

журнал «Сэйто», «рожденный в самый разгар лета, в полдень, обладает таким неистовым пылом, который выжигает даже палящий зной. Страстность! Страстность! Только этим мы и живем». «Я думаю о его “Поцелуе” [речь идет о скульптуре Родена]. О поцелуе, который плавит все в горниле страстей, о моем поцелуе. Поцелуй, который поистине один. Душа! Плоть! Спокойное восхищение на пике напряжения. Покой! Красота покоя! И слезы воодушевления, сверкающие золотым блеском». «И пусть я погибну на полпути, и пусть я пойду ко дну, как моряк при кораблекрушении, я подниму свои онемевшие руки и крикну на последнем вздохе: “Женщины, вперед, вперед! Слезы, снова слезы наворачиваются сейчас на моих глазах”»; см.: [Гараева 2019].

Дискурсу японских социалистов тоже были свойственны восклицательность и призывы к обновлению. Словом, в то время существовало немало групп с подобными интенциями, которые беспечно коили власть, поскольку лишали ее монополии на призывность. Тем не менее именно провластный дискурс безусловно пользовался наибольшим влиянием, а начатые Японией войны с Китаем (1894 г.) и Россией (1904 г.) пользовались почти единогласной поддержкой. Военный психоз провоцировал экзальтацию, которая находила выражение в «возвышенной» любви к родине и готовности умереть за нее. Митинги в поддержку доблестной армии накаляли воздух.

Характерным для того времени следует признать роман Сакураи Тадаёси (1879–1965) «Человек-пуля» («*Никудан*»). Он был издан в 1906 г. – сразу после окончания войны с Россией. В романе повествуется об осаде японской армией Порт-Артура, во время которой нападавшая сторона понесла огромные потери. Японские офицеры и солдаты бросались в бесконечные атаки под ураганным огнем защитников крепости. Этих смертников автор назвал «людьми-пулями», которые и обеспечили победу Японии. Роман Сакураи приобрел огромную популярность и был переведен на многие языки. Заграничный интерес был обусловлен не художественными достоинствами романа (весьма скромными), а тем, что героизм и жертвенность японцев (на Западе ее часто называли фанатизмом) произвели на весь мир неизгладимое, временами устрашающее впечатление. Японский солдат никогда не сдавался в плен (сдача в плен в условиях невозможности эффективного сопротивления была нормальной практикой в европейских армиях того времени), он предпочитал броситься в не имеющую военного смысла атаку и умереть. Понятие «*никудан*» упраздняло ценность личной жизни и личного тела. Жизнь «государства-тела» (*коку-тай*) – вот что обладало высшим смыслом.

Роман полон леденящих кровь сцен смерти. Вырванные из контекста, они могут произвести на читателя впечатление, будто автор показал ужасы войны и является пацифистом. Но это не так. В последних строках романа Сакураи говорилось: «Битва закончена. Буря стихла. Этот мир куплен ценой благородной крови героев. Гора Люйшунь когда-нибудь сравняется с землей, река Ляодун когда-нибудь пересохнет. Но тела, пожертвованные великому императору во время великой битвы, но жизни, отданные родине, но верноподданническая доблесть офицеров и солдат будут вечно сиять в светлой истории будущего, эти героические души будут в течение десяти тысяч поколений оберегать ослепительный подъем японского солнца» [ГНБД 1929, 104]. Автор (сам потерявший на фронте руку) призывал японцев принести в жертву тело (или хотя бы его фрагмент), добровольно расстаться с ним, что должно было, по его мысли, обеспечить освободившейся от тела душе достойное посмертное существование. Тело подлежит расчленению и уничтожению, потому что на самом-то деле оно не имеет никакой «настоящей» ценности. Жертвенность, готовность к телесным страданиям и расставанию с телом начинают осмысляться как родовые и уникальные черты японского народа – обладателя высшей и невидимой «духовности», которая выше материи, того, что видит глаз.

Страстные признания в любви к женщине и родине существовали по соседству, образовывали одно и то же эмоциональное поле. Всю свою молодость Таяма Катай восхищался европейской литературой. Но когда после смерти императора Мэйдзи (1912 г.) от вассального огорчения покончил жизнь ритуальным самоубийством генерал Ноги Марэсукэ, Таяма посчитал этот поступок прекрасным для японцев и непостижимым

для иностранцев. «Хотя я по своему мировоззрению являюсь free thinker, в своей душе я один из приверженцев великой Японии» [Таяма 1981, 288–292].

Страна Япония и ее народ выступали носителями чувств, приписывались они и другим странам и народам. Эти чувства служили серьезнейшим основанием для принятия и оправдания политических решений.

Вот как задним числом доктор филологических наук Мори Киёто (1894–1961) описывал обстоятельства, приведшие к войне. После «трехстороннего вмешательства» (1895 г.), когда Россия, Германия и Франция не позволили Японии отторгнуть от Китая Ляодунский полуостров, «наш народ» «набрался терпения до лучшего дня, и это чувство послужило психологической причиной для японско-русской войны» [Мори 1941, 839]. «Терпение традиционно было основой внешней политики Японии». Россия же смотрела «на нашу страну свысока», и на предложения Японии по урегулированию спорных вопросов «не давала никакого ответа». Япония «терпела, сколько возможно, но потом ее терпение лопнуло», и тогда она «решительно поднялась во весь рост», «кровь нашего народа закипела, и глас, призывающий разбить Россию, пронесся по всей стране, подобно бурной волне» [Там же, 859–861]. Вступление Японии в Первую мировую войну объясняется исключительно чувством долга по отношению к Англии, с которой Япония была связана союзническими обязательствами [Там же, 920–922]. Учреждение дня памяти императора Мэйдзи (3 ноября) также объясняется чувствами народа: они не позволяют забыть о Мэйдзи, они отражены в решении парламента учредить памятную дату, и это горячее желание народа одобрено императорским указом [Там же, 964–965].

Олицетворением Японии служил император – богочеловек, верховный жрец, который поклонялся синтоистским божествам и которому поклонялись японцы. В традиционной Японии император в указах всегда говорил только от своего имени, теперь же он разговаривал от имени страны и японцев. Императоры Тайсё и Сёва в указах часто говорят о том, что все японцы должны разделять их чувства (буквально – «должны принять их к телу»). Что это были за чувства? Древние императоры обладают достаточно богатым спектром эмоций. Они радуются, печалются, гoryют, беспокоятся, боятся, сочувствуют, сострадают, жалеют и сожалеют, скорбят, то есть проявляют многие чувства, присущие и «обычному» человеку. Они даже «стыдятся» своей некомпетентности: отсутствие добродетельности (яп. *току*, кит. *дэ*) приводит к катаклизмам (землетрясениям, наводнениям, засухам, мятежам), вызванным недовольством высших сил (Небо, синтоистские боги, будды). Встречаются и указы, в которых император говорит о том, что его одолевают «смешанные» эмоции. Так, государь Конин (770–781) на прошение царедворца Киби-но Макиби (695–775) отвечает: «Ознакомившись с прошением, уяснили Мы твое желание уйти в отставку. Учитывая, что срок траура [по предыдущей государыне Сётоку] еще не окончен, не слишком ли ты спешишь с отставкой? Испытываем смешанные чувства сострадания и удивления, и не можем ответить сразу же» («Сёку нихонги», Хоки, 1–10–8, 771 г.) [Сёку нихонги 1995, 315–316]. У императоров первой половины XX в. ни о каких «смешанных» чувствах или о принятии на себя вины за то, что творится в стране, речи уже не шло. До императора Мэйдзи смена девиза правления в связи с какими-то неприятностями и природными катаклизмами была делом обычным, но начиная с Мэйдзи одному императору полагался только один девиз, из указов полностью исчезает «самоедская» идея о недостаточной добродетельности государя. После самого катастрофического в истории Японии землетрясения 1923 г. в указе императора Тайсё «безответственно» заявлялось, что это землетрясение – еще более ужасное, чем случилось в 1854 г., и защититься от него не под силу человеку [Мори 1941, 946].

В XX в. у императоров, судя по их указам, остаются только два чувства: радость (в основном по поводу прекрасного состояния армии и военных побед) и печаль в связи с ранениями и гибелью японских солдат во время многочисленных войн. Такие же чувства предписывалось испытывать и японскому народу, но с добавлением ненависти к врагу. Императоры до ненависти не «опускались», но публицистика эксплуатировала

это чувство в полной мере. Чувств у императора и «народа» насчитывалось немного, но они были сильными, эта сила забивала оттенки и полутона.

В 1931 г. Япония вторглась в Маньчжурию, создала там марионеточное государство Маньчжоуго и вступила в череду столкновений и войн, которые продолжались до 1945 г. Оккупация Маньчжурии вызвала сильный международный резонанс, и Япония была вынуждена покинуть Лигу Наций (одним из учредителей которой она являлась). Мори Киёто комментирует эту ситуацию следующим образом. Начиная с периода Мэйдзи «наш народ» слишком преклонялся перед Западом, и западная идеология стала «вредить традиционному народному духу». В результате выхода Японии из Лиги наш народ избавился от семидесятилетних иллюзий и вернулся к изначальному японскому духу. Цивилизация белого человека основана на вещизме и индивидуализме, она находится в тупике. Грядущая цивилизация будет «восточной духовной цивилизацией», и эту миссию осуществит японский народ, который спасет мир от страданий. Выйдя из Лиги, Япония продемонстрировала непреклонность и выполнила свою задачу [Мори 1941, 989–991].

Обвинениям Запада в «вещизме», «материализме» и «индивидуализме» сопутствовала возгонка несравненного «японского духа». Особенно бурно эмоциональность в публицистическом дискурсе стала проявляться в 1930-е гг. Поскольку «духовность» – понятие мало верифицируемое, то одновременно происходил совершенно осознанный отказ от «логического». В статье, опубликованной в газете *«Токё нитинити симбун»* (25 октября 1935 г.), ведущий публицист того времени Токутоми Сохо (1863–1957) сетовал, что нынешнее школьное образование уделяет слишком много внимания предметному обучению и физкультуре. Главная задача школы – это воспитание нужного государству «характера» человека, что требует иного подхода. «Воспитывать мораль с помощью логики – все равно, что объяснять религию с помощью теологии. Сколь бы хорошо мы ни были осведомлены в теологии, это не означает, что мы стали образцовыми христианами. Сколь бы мы ни заучивали наизусть Трипитаку, это не гарантирует, что мы стали образцовыми буддистами. Изучать с помощью логики императорский “Рескрипт о воспитании” и воспитывать обладателей прекрасных качеств японского народа – невозможно... Формирование характера – это не то, что услышал ушами или увидел глазами, оно должно осуществляться интуитивно. Это то, что называют “передачей от сердца к сердцу” – такая передача чувств и составляет суть морального воспитания» [Там же, 984–985].

Таким образом, Токутоми Сохо предлагал избавиться от жалкой логики и обратиться к чувствам, беря пример с религиозной эмоциональности. Само выражение «от сердца к сердцу» заимствовано им из словаря дзэн-буддизма. Вера – выше рассудка. В данном случае вера в мораль державной Японии, которая предполагает культ безграничной верности императору (родине), готовность к самопожертвованию, вера в богоизбранность японского народа. Характерно обращение к читателю от имени «мы», свойственное мировому тоталитарному дискурсу, который стремится уничтожить любое проявление индивидуального.

В публицистике того времени слово «сердце» («душа») имело особый статус. При этом в соответствии с духом эпохи, умалявшей многообразие и превозносившей единство, постоянно предлагалось каким-то образом соединить индивидуальные сердца. В указах император рассчитывает, что его подданные проявят единосердечие в осуществлении его, императора, планов. Один из главных лозунгов эпохи – «сто миллионов сердец бьются как одно». Явленное вовне максимальное единство сердец достигалось при лицезрении императора Сёва. Вот как газета *«Токё асахи симбун»* (29 октября 1938 г.) описывает эмоциональную реакцию толпы при первом появлении на мосту Нидзюбаси (перекинут через ров перед дворцом) императора, восседавшего на белом коне: «Люди (буквально «трава-народ»), завидевшие героическую и блистательную фигуру его величества-генералиссимуса на коне, исполнились глубочайшего воодушевления от оказанной чести, разом перегнулись в поклоне, пролили прочувственные слезы и закричали: банзай!». Сам же Сёва просто сидел на коне, не произносил

ни слова и не проявлял никаких видимых эмоций. Он копировал статую, предназначенную для обожания. Видимые эмоции были атрибутом его «народа».

Токутоми Сохо – «золотое перо», его тексты обладали огромной воздействующей силой и задавали тон. Он был подпевалой для власти и запевалой для народа, одобрял и инициировал милитаристские инициативы государства. Недаром в 1941 г. именно ему было доверено «довести до ума» императорский указ об объявлении войны США и Великобритании. «Мы, император великой Японии, принадлежащий к извечной и непрерываемой династии и управляющий милостью Неба, уведомляем тебя, верный, честный и смелый народ, что сим объявляем войну Америке и Англии... Пребывая в сени наших божественных императорских предков, Мы верим в наш верный, честный и смелый народ, и желаем развития дел предков и быстрейшего избавления от причин бед с тем, чтобы в Восточной Азии установился вечный мир, а свет Империи сиял бы по-прежнему» [Нихон сирё 2002, 113].

У Токутоми Сохо было много соратников и единомышленников, и военная лексика стремительно вторгалась в мирную жизнь еще до 1941 г. Правительственный «Еженедельник фотографии» («*Сясин суюхо*») в 1938 г. так объяснял смысл своего существования: «Кино – это пулемет пропагандистской битвы, фотография – это меч, который с легкостью пронзает человеческое сердце, это ядовитый газ, растиражированный в миллионах экземпляров» (цит по: [Ито 2004, 140]).

Критиков такого возбужденного и возбуждающего дискурса находилось немного. Одним из них был этнолог Янагита Кунио (1875–1962), по молодости увлекавшийся сочинением «свободного» эмоционального стиха. Однако теперь он говорил о том, что в текущей литературе слишком много «впечатлений» и «чувств», призывал к более отстраненному подходу – только это позволит нынешней словесности стать в глазах людей будущего «классической литературой» [Цуруми 2008, 96–99].

Как и в других странах, где господствовал утопический тоталитаризм (СССР, Германия), огромную роль в деле возбуждения народных (государственных) эмоций в Японии играла поэзия. Это касается как сочинителей традиционных *танка*, так и заимствованного с Запада свободного стиха. Существенной особенностью японской поэзии (как и дискурса вообще) периода тоталитаризма являлось то, что в отличие от СССР и Германии ее агрессивная составляющая была почти всегда направлена на внешних «врагов» и не возбуждала ненависти по отношению к «врагам» внутренним.

В традиционном японском дискурсе поэзия занимала огромное место. В новой Японии ситуация в этом отношении осталась прежней, однако содержательная часть поэзии претерпела существенные изменения. Основная часть традиционной поэзии была нацелена на воспевание гармонии, приятие действительности и умиротворение, но в период Мэйдзи в ней все большее место начинает занимать конфликтность. Даже супруга императора Харуко (Сёкэн) отдавала ей дань. В 1886 г. она сложила *танка* под названием «Пуск торпеды»:

Если час такой наступит,
Для блага страны
Потопим любой корабль,
Что приблизится к нам
По бурным волнам.

Сам император Мэйдзи считался непревзойденным сочинителем *танка*. В их числе обнаруживается и немало воинственных. Например:

На равнине Адаси
Пусть блеснет
Острый меч,
Что наточил
Настоящий мужчина... [Сокуи 1913, 483]

В довоенной Японии в публичных местах было принято выставлять стенды с меняющимися время от времени стихами императора Мэйдзи, которые должны были

послужить руководством к действию. Пропаганда активно использовала привычку японцев к поэзии. В одном из главных текстов японского тоталитаризма «Основы нашей государственности» («*Кокутай-но хонги*», 1937 г.) поэтические цитаты занимают достойное место. В основном это *танка* императора Мэйдзи и стихи из антологии «*Манъёсю*» (вторая половина VIII в.), кроме них есть одно стихотворение супруги Мэйдзи и сочинения средневековых поэтов. Всего же, по нашим подсчетам, в «*Кокутай-но хонги*» содержится 27 поэтических цитат. Коллектив авторов, составивших «*Кокутай-но хонги*», возглавлял видный литературовед Хисамацу Сэнъити (1894–1976), специалист по древней литературе и в особенности по «*Манъёсю*». Он был большим почитателем Хаги Яити и написал предисловие к наиболее распространенному изданию «Десяти этюдов о национальном характере», откуда и позаимствовал многие идеи, вошедшие в «*Кокутай-но хонги*». Эти идеи касаются прежде всего внутренних качеств японцев. В то же время их внешние (видимые) качества, о которых говорил Хага Яити (практичность, веселость, любовь к выпивке, простота и безыскусность стиля жизни, умение мастерить малое, чистоплотность, вежливость), Хисамацу Сэнъити проигнорировал. Такая разборчивость находилась в полном соответствии с «генеральной линией» того времени: дух важнее и сильнее материи.

В этой брошюре объемом 156 страниц наиболее частотным словом является «дух» (*сэйсин*): дух Японии, который не имеет аналогов в мире, дух, первоначально явленный в мифе и ритуалах синто, главную роль в которых играет император. Материальным вещам посвящен лишь последний раздел «*Кокутай-но хонги*», озаглавленный «Политика, экономика, военное дело». Экономика освещается в самом коротком параграфе, занимающем всего четыре страницы. Он начинается такими словами: «Экономика – это материальная жизнь государства. Материальное нужно не просто для того, чтобы обеспечивать существование народа, оно необходимо для того, чтобы обеспечить величие государя. Поэтому рост экономики – важное условие для развития империи» [Кокутай-но хонги 1943, 136]. Далее на разные лады перепевается мысль, что главная цель экономической деятельности состоит не в получении личной выгоды, а в укреплении государства. Иными словами, материальное занимало в «*Кокутай-но хонги*» намного меньшее место, чем духовное и поэтическое.

В предисловии к изданной в 1930-х гг. поэтической хрестоматии для школьников говорилось, что декламация стихов полезна для «подъема воинского духа, совершенствовании речи, воспитания эстетических чувств» [Цубои 2006, 8]. Эти «чувства» принимали поистине вселенский размах, выплескивались на страницы газет. В блестящем романе классика современной японской литературы Кага Отохико отец семейства с восторгом зачитывает домашним стихотворение (*танка*) знаменитого поэта Сайто Мокити (1882–1953), опубликованное в газете в преддверии близящейся 2600-летней годовщины образования японской империи (отмечалась в 1940 г.):

В Поднебесной –
Одно огромное сердце
Народа нашего,
Которому две тысячи
И еще шестьсот лет

(Перевод М.В. Торопыгиной, [Кага 1991, 162]).

Однако процитированное стихотворение Сайто Мокити не было характерным для *танка* в целом. Несмотря на все попытки приспособить традиционную поэзию к требованиям «нашего времени», *танка* и *хайку* играли в возбуждении народных чувств меньшую роль, чем поэзия новая (*синтайси*). В традиционной поэзии существовало слишком много ограничителей, которые «мешали» ей «раскачивать» народную психику. Традиционная поэзия – это прежде всего поэзия смирения и созерцательности, она не призывает к активным действиям, там не встречаются глаголы в повелительном наклонении. Она не воодушевляла массы, не говорила от их имени, редко вырывалась за пределы единичного сердца, была привязана к конкретным топонимам. Что до «новой

поэзии», то она, напитавшись энергией поэзии западной, была «заряжена» присущей значительной ее части «гражданственностью», экзальтацией и агрессивностью, позволявшей ей преодолевать пространства и покидать пределы родины – как малой, так и большой. Традиционные стихи описывали малое пространство, *синтайси* легко перемещались по земному шару.

Весть об успешном нападении на Пёрл-Харбор вызвала в Японии всеобщий восторг. Такамура Котаро (1883–1956), знаменитый скульптор, поэт и председатель поэтической секции писательского Союза служения Японии, писал:

Запомните: месяц декабрь, восьмое число.
История мира начинает новый отсчет.
Власть англосаксов тает и тает –
Восточная Азия, суша и море.
Тает и тает крошечный остров
Ярап, что лежит на востоке, за морем.
Держава Ниппон – снова держава богов
Во главе с божеством-государем.
Грабителей семя – Австралия, Америка, Англия –
Их мы власти лишаем.
Наша сила – в правде силу черпает.
Восточную Азию – ей же верните. Больше не надо.
Страны-соседи – от голода пухнут.
Когти и зубы врагов – вырвем с корнем.
Стар и млад, мужчина и женщина –
Встань, как один, силой военной налейся.
Будем сражаться – доколе страшный враг существует.
Запомним рубеж истории мира:
Месяц декабрь, восьмое число [Такамура 1942, 129–132].

В традиционной поэзии открытая ксенофобия была свойственна в основном школе «национального учения» (*кокугаку*), яростно боровшейся против всего иностранного (прежде всего китайского). Однако следует помнить, что в период Токугава эта школа была периферийной и не пользовалась поддержкой властей, которые придерживались неоконфуцианства и поощряли китайскую ученость. Актуализация «национального учения» относится к периоду Мэйдзи, когда создавалась новая общегосударственная идеология. Современная японская поэзия переняла ксенофобский накал *кокугаку*, но направила его в другую часть света. Следует иметь при этом в виду, что представители школы *кокугаку* хотя и призывали избавляться от «китайщины», но отнюдь не призывали вырвать у китайцев «когти и зубы».

Поэт Одзакэ Кихати (1892–1974), чьи стихи регулярно транслировались по радио, возглавлял во время войны соседскую общину. Вот как он описывает ее собрание: «После объявления приказов властей и решения неотложных дел, переходили к свободному общению. Читали стихи, слушали граммофон... Вначале я не знал, как будет обстоять дело с чтением стихов, но оказалось, что люди слушают с удовольствием... Разумеется, я читал не только свои стихи. И у стариков, которым было уже за шестьдесят, и у незамужних девушек при чтении стихотворения [Такамура Котаро] “Умалиться, чтобы взлететь высоко” глаза блестели так, как если бы они слушали 9-ю симфонию Бетховена» [Цубои 2006, 21–22]. В упомянутом стихотворении Такамура Котаро призывал отказаться от «низкого» (личной алчности, личной злобы, личных помыслов, желания быть первым), чтобы «всем вместе, плача и смеясь», отправиться по «высокому пути», ведущему в будущее. Ареной построения такого будущего становой не какой-нибудь остров, не Японский архипелаг, а весь мир. В стихотворении, посвященном 2600-летию японской империи, Такамура призывал ритуально «очиститься», подобно древним японцам. «Создадим повсюду на земле такие страны, в которых народ не будет ведать чувства стыда! || Ликвидируем отвратительное и низкое, ||

Чтобы восторжествовало великодушное, горячее и светлое! Отбросим гнойную красоту, ведущую к смерти, || И наберемся сил из истока, что дает вечное обновление! || Сделаем все, чтобы построить небывалый мир! || Схватим большое, войдем в малое! || Сделаем так, чтобы зелень мира испускала наполненный кислородом аромат! || Именно мы да пошлем Поднебесной || Утреннюю послегрозовую свежесть!» [Такамура 1942, 68]. В этой системе мировых координат народ Японии обладал мессианской миссией по спасению человечества. Сама территория Японии служила оплотом для превращения Земли в царство справедливости. Очертания страны, в центре которой высится Фудзи, напоминали поэту распростертые руки. С их помощью Япония не дает Азии погрузиться в океанскую пучину. Стихотворение заканчивается вполне прозаически: «Это был первый параграф учебника по географии Японского архипелага» [Там же, 26, 33]. Такова была тогдашняя «геопэзия», ярчайшим представителем которой выступал Такамура.

Традиционная поэзия воспевала гармонию человека и природы, настроения и эмоции человека следовали за природными изменениями. Поэзия Такамура Котаро рывала эту связь, человеческое становилось независимым от природы, эмансипировалось от нее. «Повсюду в мире привычно дует осенний ветер, || Но осень, которая в этом году пришла в нашу страну – || Великая осень, которой не знали предки» [Там же, 5]. Стихотворение было написано 29 сентября 1937 г. Необъявленная война с Китаем началась в июле. Она шла на территории Китая. Во вторую годовщину начала этой войны, в которой «[японский] народ жертвует своей жизнью», а Китай продолжает сопротивляться, японскому народу не остается ничего другого, как «как треснуть тебя [Китай] по башке» – раз ты не понимаешь, что японский народ избавляет тебя от «алчных подлецов» (то есть западных государств и народов), желающих превратить тебя в колонию [Там же, 52–53]. В другом стихотворении Такамура обращается уже к западным колонизаторам: в течение длительного времени мы (японцы) «хотели вырвать Восточную Азию из ваших рук. || Час настал. || Поступь истории не остановить. || Мы готовы умереть все до единого. || Погибнув, пойдем дорогой живых» [Там же, 58].

Свои истоки японский тоталитаризм искал и находил в синтоистском мифе, зафиксированном в «Кодзики» и «Нихон сёки». Время мифа, когда боги сотворили острова, на которых возникло японское государство, воспринималось в качестве «золотого века». Такое отношение к далекому прошлому было свойственно для японской мысли на всем историческом протяжении. Однако традиционные мыслители полагали, что золотой век безвозвратно прошел и нынешние люди способны только замедлить энтропию. Что до дискурса периода тоталитаризма, то здесь мы наблюдаем страстное (страшное?) желание снова очутиться во времени мифа. Это желание было настолько мощным, что казалось осуществимым. Именно поэтому Такамура и писал, что погибший в бою возродится к жизни. Время для Такамуры и ему подобных мерялось не годами, а эмоциональной близостью, о чем он и писал с подкупающей откровенностью: «Мы, народ, вновь осознаем чистоту своей крови и ее бесконечность, || Преодолевающие время. || Средние века – далеки, || Древность – вот она, рядом. || Сейчас мы находимся у истоков мира, || В самом Начале» [Там же, 76–77].

Одним из главных символов тоталитарной Японии стало святилище Ясукуни, где почитали души погибших за родину и императора. Предполагалось, что индивидуальная смерть японца (смерть его тела) укрепляет душу страны в целом. По этой логике выходило, что чем больше погибших, тем лучше для Японии. Неудивительно поэтому, что в стихотворении Сайсо Ясо под названием «Свидание» (1943 г.) вдова, придя в святилище, мгновенно забывает про потерю и радуется смерти мужа:

Бесчисленные воспоминания, простираюсь
В святилище, сокрытом в чаще.
О! Вот здесь живет душа
Дорогого мужа.

Омытые слезами воспоминания
Высохли без следа. Лицо благополучно
Пережившей бурю японской
Женщины озаряется улыбкой (цит. по: [Цубои 2006, 26–27]).

Император Сёва регулярно посещал Ясукуни. Предполагалось, что во время его благодарственных молений все японцы присоединяются к его молитве. В этот момент все японцы становились поэтами и оперировали образами космического масштаба. Вот как промышленник Асакура Цунэто (1882–1971), которому надлежало, казалось бы, руководствоваться «рациональными» соображениями, описывал в дневнике свои эмоции: «Именно потому, что одно сердце соединяется с другим, дух нашей империи пронизывает Небо и Землю, расширяется до пределов вселенной» (цит. по: [Хара 2008, 113–114]).

Пропаганда запрещала японцам плакать от горя – например, в случае гибели близкого человека на поля боя. Считалось, что это недостойно японца. Журналист газеты «*Токё нитинити симбун*» (11.03.1942) так передавал внутренний монолог матери, потерявшей сына: «Плакать нельзя. Наохару больше не мой сын. Наохару стал божеством, так что я буду радоваться твоей смерти на поле боя». В то же самое время слезы умиления и восторга, наоборот, считались достойными настоящего японца. Это регулярно случалось в случае лицемерия императора и по другим поводам даже с прожженными политическими деятелями. Когда на сессии Олимпийского комитета в 1936 г. в Берлине было решено, что следующая Олимпиада состоится в 1940 г. в Токио, член МОК от Японии Соэдзима Митимаса (1871–1948) предстал перед радиомикрофоном, чтобы рассказать соотечественникам об этом «историческом» событии, но сначала не смог вымолвить ни слова – заплакал, словно малое дитя [Хасимото 2014, 112].

Накал эмоций и общая экзальтированность приводили к расшатыванию психики и появлению такого явления, как политический бред. В романе Каги Отохико пациент психиатрической больницы рассуждает таким образом: «Шизофрения развивается у тех, кто отчужден от трех мудростей трех сокровищ [императорские регалии – меч, зеркало, яшма. – А.М.], болезнь, которая коренится в антияпонском духе... В своих истоках, – продолжал неистовствовать мужчина, тряся поднятыми кулаками, – причина шизофрении – в нынешней вестернизации. То есть это материализм, индивидуализм и либерализм, которые лишены трех добродетелей, символизируемых зеркалом, яшмой и мечом. Порочный плод западной культуры и есть шизофрения... [Здесьние врачи] сами не замечают, что спятили. Это они сумасшедшие. В самый разгар священной войны, когда мы учим Запад, что такое Императорский путь, они преспокойно пользуются всякой западной медициной, это нормально?» (Перевод А.А.Костыркина) [Кага 1997 V, 302–303].

Важнейшие государственные решения принимались под влиянием эмоций. Находясь в плену собственных поэтических метафор и гипербол, Япония напала в 1941 г. на США и Великобританию, несмотря на то что с военно-практической точки зрения это было безумием. Однако вера в то, что японский дух сильнее материи, продиктовала это решение, которое стало крупнейшей ошибкой японской империи. В результате этой ошибки империя закончила свое существование.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

ГНБД 1929 – Гэндай нихон бунгаку дзэнсю [Полное собрание сочинений современной японской литературы]. Токио: Кайдзося, 1929. Т. 49 (*Gendai nihon bungaku zenshu*, in Japanese).

Дзэдзэси 1897 – Дзэдзэси [Лирический сборник]. Токио: Мингьюся, 1897 (*Jojoshi*, in Japanese).

Кайбара, Нисикава 2017– *Кайбара Экикэн*. Поучение в радости. *Нисикава Дзэкен*. Мешок премудростей горожанину в помощь. Перевод с японского, вступительная статья, комментарий и исследование А.Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 2017 (Kaibara Ekiken, *Rakkun*, Nishirawa Joken, *Chonin bukuro*, Russian Translation).

Кисимото 1902 – *Кисимото Нобута*. Нихондзин-но готокусицу [Пять особенностей японцев]. Токио: Мингьюся, 1902 (*Kishimoto Nobuta, Nihonjin-no gotokushitsu*, in Japanese).

Кокутай-но хонги 1943 – Кокутай-но хонги [Основы нашей государственности]. Токио: Момбусё, 1943 (*Kokutai-no hongii*, in Japanese).

Мори 1941 – *Мори Киёто*. Дайнихон сётёку цукай [Комментированное издание императорских указов Великой Японии]. Токио: Рюгинся, 1941 (*Mori Kiyoto, Dainihon shochoku tsukai*, in Japanese).

Мэйроку дзасси 2009 – Мэйроку дзасси [Журнал «Шестой год эры Мэйдзи»]. Токио: Иванами, 2009. В 2 т. (*Mei roku zasshi*, in Japanese).

Нитобэ 1907 – *Нитобэ Инадзо*. Дзуйсороку [Размышления]. Токио, 1907 (*Nitobe Inazo, Zuisoroku*, in Japanese).

Нихон сирё 2002 – Нихонси сирё. Гэндай [Источники по истории Японии. Новейшая история]. Токио: Иванами, 2002 (*Nihon siryō*, in Japanese).

Сёку нихонги 2018 – Сёку нихонги. Продолжение «Анналов Японии». Перевод А.Н. Мещерякова. М.: Дело, 2018 (*Shoku Nihongi*, Russian Translation).

Сёку нихонги 1995 – Сёку нихонги [Продолжение «Анналов Японии»]. Токио: Иванами, 1995. Т. 4 (*Shoku Nihongi*, in Japanese).

Сокуи 1913 – Сокуи кинэн косицу дайтэн [Основные установления относительно императорского дома, приуроченные к интронизации]. Токио: Тэйкоку дзицугё гаккай, 1913 (*Sokui kinen koshitsu daiten*, in Japanese).

Таяма 1981 – *Таяма Камай*. Токё-но сандзюнэн [30 лет в Токио]. Токио: Иванами, 1981 (*Tayama Katai, Tokyo-no sanjūnen*, in Japanese).

Хага 1945 – *Хага Яуми*. Кокуминсэй дзюрон [Десять этюдов о национальном характере]. Токио: Фудзанбо, 1945 (*Haga Yaichi, Kokuminsei jūron*, in Japanese).

Ссылки – References in Russian and Japanese

Гараева 2019 – *Гараева Э.И.* Манифест Хирацука Райтё (1886–1971) «Первая женщина была солнцем» // Япония. Ежегодник. 2019 (в печати).

Долин 2007 – *Долин А.А.* История новой японской поэзии в очерках и литературных портретах. В 4 т. СПб.: Гиперион, 2007.

Ито 2004 – *Ито Нобутада*. Эйга-ни эгакарэта дзэнсэн то дзюго [Изображение фронта и тыла в кино] // Дайниппон тэйкоку-но хакай [Падение Великой Японской империи]. Под редакцией Ямамура Кэнтоку. Серия «Нихон-но дзидайси». Токио, «Ёсикава кобункан», т. 25, 2004.

Кага 1997 – *Кага Отохико*. Эйэн-но мияко [Столица в огне] Токио: Синтёся, 1997.

Такамура 1942 – *Такамура Котаро*. Ооинару хи-ни [Великие дни]. Токио: Дотося, 1942.

Хара 2008 – *Хара Такэси*. Сёва тэнно [Император Сёва]. Токио: Иванами, 2008.

Хасимото 2014 – *Хасимото Кадзуо*. Мабороси-но токё оримпикку. 1940 нэн тайкай. Сёти кара хэндзё мадэ [Призрачная Олимпиада в Токио. Игры 1940 г. От приглашения до отказа]. Токио: Коданся, 2014.

Хауленд 2020 – *Хауленд Д.* Перевод с западного. Формирование политического языка и политической мысли в Японии XIX века. Москва, Челябинск: Социум, 2020.

Цубои 2006 – *Цубои Хидэто*. Дзёдзё то сэнсо [Война и лирика] // Доин, тэйко, ёкусан [Мобилизация, сопротивление, содействие трону]. Токио: Иванами, 2006.

Цуруми 2008 – *Цуруми Таро*. Янагита Кунио нюмон [Знакомство с Янагита Кунио]. Токио: Кадокава, 2008.

References

Dolin, Alexander A. (2007) *History of New Japanese Poetry (tanka, haiku, kindaishi)*, Vol. 1–4, Giperion, Saint Peterburg, 2007 (in Russian).

Garaeva, Elvira I. (2019) “Hiratsuka Raichō’s (1886–1971) manifesto *In the Beginning Woman Was the Sun*”, *Yearbook Japan*, in print (in Russian).

Hara, Takeshi (2008) *Emperor Showa*, Iwanami, Tokyo (in Japanese).

Hashimoto, Kazuo (2014) *The Ghost Olympics in Tokyo. 1940 Olympic Games. From Invitation to Refusal*, Kodansha, Tokyo (in Japanese).

Howland, Douglas R. (2001) *Translating the West: Language and Political Reason in Nineteenth-Century Japan*, University of Hawaii Press, Honolulu (Russian Translation 2020).

Ito, Nobutada (2004) “The Image of the Front and Home Front in the Cinema”, Yamamura Kentoku ed., *The Fall of the Great Japanese Empire*, Yoshikawa kobunkan, Tokyo (Nihon-no jidaishi series, Vol. 25 in Japanese).

Kaga, Otohiko (1997) *The Eternal Capital*, Shinchosha, Tokyo (in Japanese).

Takamura, Kotaro (1942) *Great Days*, Dotosha, Tokyo (in Japanese).

Tsuboi, Hideto (2006) "War and Lyrics", *Mobilization, Resistance and Assistance to the Throne*, Iwanami, Tokyo (in Japanese).

Tsurumi, Taro (2008) *Acquaintance with Yanagida Kunio*, Kadokawa, Tokyo (in Japanese).

Wang, Shukun (2004) *A Comparison of Suicide among Modern Japanese and Chinese Writers*, Kokusai bunka senta, Kyoto (in Japanese).

Сведения об авторах

МЕЩЕРЯКОВ Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт классического Востока и Античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

САХАРОВА Евгения Борисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт классического Востока и Античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Authors' Information

MESHCHERYAKOV Aleksander N. – DSc in History, Professor, Institute for Oriental and Classical Studies of National Research University "Higher School of Economics".

SAKHAROVA Evgeniya B. – CSc in History, Senior researcher, Institute for Oriental and Classical Studies of National Research University "Higher School of Economics".